

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН»

г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/r-75759

ЦЕРКОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ЦЕРКВИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Аннотация: в статье рассматривается эволюция разграничения судебных полномочий церкви на основе обращения к Соборному Уложению 1649 г. и Духовному регламенту 1721 г., раскрываются причины изменения правового статуса церкви, особенности и компетенция церковного суда в петровское время.

Ключевые слова: юрисдикция церкви, церковное наказание, духовенство, Духовный регламент, Соборное Уложение, церковный суд.

Начало XVIII столетия – период крупнейших государственных реформ, итогом которых стало формирование российского абсолютизма – новой формы государственного правления, основанной на безоговорочной власти самодержца. В отличие от прежней модели, новый тип государственной управления предполагал глубокую модернизацию традиционных правовых институтов и переориентацию их на интересы армии и государства. При всей многогранности значения термина «абсолютизм» очевидно, что в российском варианте его зарождение позиционируется с коренными реформами императора Петра I, которые коснулись всех сфер общества [1, с. 174]. Государственно-церковные отношения не были исключением в этом процессе.

Русская православная церковь всегда с трепетом относилась к сохранению собственного статуса, дававшего ей привилегии, а также – судебный иммунитет духовенству. Соборное Уложение 1649 г. было своеобразным компромиссом в разграничении полномочий церкви и государства. Отдельная глава Уложения была посвящена деятельности монастырского приказа. С одной стороны, госу-

дарство, брало под опеку все духовенство. Бесчестие (оскорбление словом) «любого ионического чина» гражданским лицом предусматривало судебное разбирательство и, говоря современным языком, влекло административную и уголовную ответственность. Например, за оскорбление архиепископа виновный подвергался битью батогами и трехдневному тюремному заключению, оскорбление попа ограничивалось штрафом 25 рублей (гл. X, ст. 31, 85). Одновременно ставилась под защиту православная вера. За оскорбление церковных святынь предусматривалась смертная казнь (гл. I, ст. 1–2). С другой стороны, с принятием Соборного Уложения государство установило границы церковной юрисдикции, согласившись с тем, что лица, проживающие на патриарших землях, должны судиться на «патриаршем дворе» (гл. XII) [2].

Установленный порядок длительное время не подвергался сомнению, поскольку самодержавная модель правления второй половины XVII века базировалась на сохранении симфонии единства церкви и государства. Большое значение имела и личность Алексея Михайловича, отличавшегося большой религиозностью. Даже попытки патриарха Никона вмешиваться в государственные дела не ослабили положение церкви [3, с. 326].

При Петре I ситуация коренным образом изменилась. Во главу угла были поставлены государственные интересы. Началась капитальная реконструкция сложившихся государственно-церковных отношений. Симфония отношений, основанная на единстве духовных интересов, уступила место деловому прагматизму, где церкви отводилась строго определенная роль в решении светских задач. Все что мешало или не соответствовало государственным интересам подлежало либо запрету, либо ограничению.

Идеями этатизма была пропитана и церковная реформа Петра I. Ее основные идеи были изложены в посланиях Ф. Прокоповича: «Слово о власти и чести царской» (1718 г.), «Правда воли монаршей» (1722 г.), где разрешались вопросы престолонаследия. Религиозный просветитель одновременно обосновал миссию церкви. Религиозная философия заключалась в строгом охранении интересов аб-

соллютизма, с которым связалась судьба и единство церкви. Новая идеология получила название цезарепапизма, по которой светский правитель являлся главой церкви. Утверждалось, что власть государя «не подлежит никакой другой власти», она исходит от «разума естественного и слова Божьего» [4].

Заметим, что в среде духовенства отношение к проводимым реформам было крайне неоднозначным. Глава русской церкви Стефан Яворский в 1722 г. написал труд «Камень веры», в котором отстаивал идею незыблемости православной веры, особенно в борьбе с угрозой проникновения протестантизма. Ф. Прокопович, по его мнению, был проводником западного влияния, к чему благосклонно относился и сам император. Смерть С. Яворского разрешила внутренний конфликт и привела к усилению партии государственников.

Церковная реформа предполагала и пересмотр церковной юрисдикции. Духовный регламент 1721 г. как учредительный акт закрепил новую форму церковного правления [5, с. 43]. Церковь превращалась в звено государственного механизма. Духовное правительство, руководимое обер-прокурором, подчинялось непосредственно императору. Само название документа говорило о правовой регламентации духовного сословия. К числу «дел общих» относились надзорные функции церкви. Священники должны «выискивать вымыслы» и «вредные и непотребные церемонии», пресекать «вредные двоегласные моления» (обвинения в причастности к расколу).

В Духовном регламенте осторожно говорилось о судебных полномочиях церкви. Обратим внимание, что законодательный акт содержал ссылки на нормы канонического права. Из положений библий выводились принципы законности архиерейской власти и, соответственно, неизбежности и справедливости применяемого церковного наказания. Цели «церковных пресечений» обосновывались также на основе канонических установлений. Церковные наказания должны «обличать» (то есть выполнять функцию профилактики) и «исправлять в правде» (то есть добиваться от человека признания собственной вины через покаяние). Высшей судебной инстанцией церкви становилась духовная коллегия (Святейший Правительствующий Синод). К судебным полномочиям духовной коллегии

были отнесены дела по нарушениям епископов, нанесенным обидам клиру или монастырю, а также по незаконным бракам и разводам [6, ч. 3, п. 8].

По Регламенту право церковного наказания относилось к прерогативе архиерейской власти. Административная и судебная власть не разделялись. Однако в отличие от прежнего порядка, власть архиерея уже не была безусловной. Закон предписывал епископам в сомнительных делах советоваться с духовной коллегией и другими епископами. В отдельных случаях предусматривалось ведение общего судебного производства (например, подлоги завещаний одновременно расследовались Синодом и Юстиц-коллегией).

В соответствии с Духовным регламентом право архиерея вершить «достойные наказания» распространялось в отношении всех «хулителей церкви», священно и церковнослужителей, а также мирян по подозрению в расколе и семейно-брачных правонарушениях [6, ч. 1–2].

В законодательном акте большое внимание уделялось ответственности самих епископов за различные нарушения, что вытекало из стремления государства поставить под контроль деятельность российского епископата, в рядах которых было много противников церковной реформы. На епископа могли доносить в Святейший Синод все священнослужители, в том числе, приходские священники и причетники, требуя проведения расследования и суда духовной коллегии. Столь пристальное внимание вопросам ответственности архиереев на деле размывало установленные положения о церковной юрисдикции. Происходила если не подмена понятий, то избирательное их толкование.

В каждом разделе документа чувствовалось государственное влияние. Даже в вопросах назначения анафемы – исключительной меры церковного наказания, законодатель давал советы быть осторожным и всегда советоваться с Синодом (II. п. 16). Широкое оперирование религиозной лексикой объяснялось просто: автором Духовного регламента был Ф. Прокопович, стремившийся приспособить нормы церковного права под светское законодательство.

Само по себе стремление к унификации нормативной базы можно рассматривать как положительную тенденцию. Однако нельзя забывать и о том, что данный документ преследовал прежде всего политические задачи – обозначить подчиненную роль церкви [7]. Поэтому вопросам судебной юрисдикции уделялось внимания гораздо меньше, чем того требовали задачи церковной реформы. Нерешенность судебных полномочий вела к дезорганизации церковного управления и в значительной степени ослабляла церковную власть. Потребовалось время и достаточно большие усилия от самого Синода по укреплению архиерейской власти. Вопросы церковной юрисдикции стали поводом для новых острых споров, итогом которых было постепенное законодательное ограничение судебной независимости церкви.

Список литературы

1. Фадеева Т.М. Российский абсолютизм в XVIII веке (аналитический обзор) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. – 2013. – №1. С. 173–205.
2. Соборное уложение 1649 года / Сост.: М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649.htm>
3. Пашков Б.Г. Русь – Россия – Российская империя: хроника правлений и событий 862–1917 гг. – М.: ЦентрКом, 1997. – 640 с.
4. Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. 1722 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--p1ai/node/13642>
5. Кедров Н.И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. – М.: Тип. М. Каткова, 1886. – 244 с.
6. Духовный регламент Петра I 1721 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://monasterium.by/ustavy_i_dokumenty/dokumenty/dukhovnyy-reglament-petra-i-1721-ujl/
7. Павлушков А.Р. Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII–XIX вв. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – №2 (22). – С. 76–82.